

Конкурс «Белорусы Латвии: прошлое и настоящее»
Наминация «Белорусы Латвии. Интересные личности»

**Моим родителям:
Константину и Салюмеи, бабушке
Анастасии, дяде Егору и всем
КАПУСТАМ посвящается**

Автор
Константин Капуста,
член Даугавпилсского культурно-просветительного
общества «Уздым»,
один из основателей общества, первый председатель

2015 год.

Моим родителям – Константину и Салюмеи, бабушке Насте и дяде Егору и всем КАПУСТАМ посвящается.

Так кто-же я ?

По линии отца

Верой и правдой отслужив 25 лет в царской армии, мой прадед Антон вернулся в родную деревню Жирнелишки, что недалеко от деревни Далёкие (Новоалександровский уезд, Ковенская губерния, сейчас это город Зарасай и Каунас Литовской республики), а там его никто не ждал. Братья, разделив родительскую землю, жили каждый в отдельности своими семьями. Для брата Антона земли не было. Выделили ему пяточёк земли, где Антон построил маленький домик. Хорошо, что вокруг рос лес и было с чего строить. Занялся он ремеслом бондаря: изготовлял из дерева бочки, дежки, кублы, ведра. Нарезал также сосновую лучину и сплетал корзины разного хозяйственного назначения. Не занимаясь земледелием, этим ремеслом он зарабатывал на жизнь. Всей семьёй собирали также дары леса.

Женился он на местной девушке Прузынке. В 1874 году родилась у них дочь Настенька (моя бабушка). Девочка росла в окружении лесов, занимаясь сбором ягод и грибов. Когда Настя выросла, она вышла замуж за Костю Капусту из деревни Милягри рода Алексюков. Стали они жить- поживать и детей наживать.

По линии матери

Во время польского восстания повстанцы были разбиты, а оставшиеся в живых расселились по лесным деревням. Мой прадед повстанец Кейна пришёл на примачки к местной девушке в деревню Аксютово (Новоалександровский уезд, Ковенская губерния, сейчас это город Зарасай и Каунас). И стал он родоначальником Кейнов. И родилась у его дочь Емилия (моя бабушка). Бабушка вышла замуж за старого холостяка Станислава Гасюля. Он немало поездил по свету в поисках счастья. Был на заработках в Риге, где работал грузчиком в порту. Станислав имел слабое здоровье, однако детей в семье было много: Анна, Саля, Альжбета, Лёдя, Реня, Петра. Он любил жизнь веселую, выпивал. Жила семья Кейнов в деревне Горовые, обрабатывая маленький надел бесплодной земли. Возможно оттого, что люди жили впроголодь и было много горя, деревню называли Горовые. Дети могли ходить в церковно-приходскую польскую школу в деревню Замощье. До морозов босиком, а зиму сидели на печке. В 10–12 лет отдавали служить в панские семьи осадников Чернявских, Рудоменовых и других. Пешком ходили в близлежащие деревни Латвии (Боровка, ныне Силене), чтобы выменять соль. А это была граница. Маму однажды поймали как контрабандистку. Пешком ходили также и в Даугавпилс, а это 65 – 70 км.

Старшая Саля (моя мама) в 1943 году вышла замуж за Костю, сына Константина Капуста. И начали они жить-поживать и меня нажили в 1945 году, и также называли Костей.

Спасители

Телефонный звонок из Израиля всколыхнул в памяти мое детство, рассказы мамы Салюмеи, моей бабушки Насти, дяди Егора о том, как они во время войны спасали еврейские семьи от гитлеровского геноцида.

Звонила Маша Рукшин–Капица – женщина, семью которой во время войны спасли мои родители. Она рассказала, что хочет написать книгу о своих спасителях и просила меня написать о своих родных. Много из того, что мне рассказывали, стёрлось из памяти. По крупицам я начал восстанавливать детали тех рассказов.

Мой дед умер в 1912 году в возрасте 35 лет, оставив после себя пятерых детей. Старшему из которых, Егору, было 12 лет. Он и стал настоящим хозяином, кормильцем большой семьи, познав все тяжести крестьянского труда. В 12 лет он стал пахать землю сохой, подвязав её полотенцем

через шею. Образование не имел никакого, не умел ни читать, ни писать, но природа наделила его сметкой, мудрым отношением к жизни, и человеческим состраданием, справедливостью.

Будучи ответственным за судьбу младших братьев: Ивана, Алеши, Кости и сестры Марии, он помогал своей матери растить их, устраивать их жизнь, менее всего думая о себе. Вот эти качества, наверное, прежде всего и ценили в Егоре все, кто его знал.

Неподалеку от нашей деревни Довьяты (Белоруссия, Браславский район), была деревня Кисловщина. Половину её жителей составляли евреи. Люди они были мастеровые, знали к чему приложить свои способности. У нас был большой сад, посаженный моим прапрадедом Алексеем. В саду было много груш, слив, летних и зимних сортов яблонь. По имени прапрадеда Алексея наш род называли в народе «Алексюки». Вот этот сад и подружил нас с евреями д.Кисловщина. Сад сдавали евреям в аренду, охраняли сад уже они сами, а потом продавали в Вильнюсе и других городах Польши.

Вспоминает бабушка Настя

Случилось так, что в один и тот же 1912 год бабушка Настя похоронила мужа, свёкра и свекровь. Пахотной земли было мало, до нового урожая хлеба не хватало. Кушали хлеб с мякиной, жили полуголодными. Какой урожай можно было ожидать с земли без удобрения, кое-как вспаханной на одной лошадке мальчиком – подростком? Труд у пахаря Егора был очень тяжелый, на руках кровоточили мозоли. Началась Первая Мировая, а потом Гражданская война. Власти менялись: немцы, потом присоединение края к Литве, присоединение к Польше, к Белоруссии, опять война, опять немцы с наведением своего нового порядка. Вот сколько событий выпало на человеческую судьбу в XX веке.

Семья подрастала, многие хотели обзавестись своими семьями, но как можно жениться, создать семью, если на 5 детей – 6 гектаров земли, то по 1 гектару на каждую новую семью. Алёша уехал искать счастье во Францию, работая в шахтах. Заработал денег на обзаведение личным хозяйством, женился на девушке Владе из соседней деревни. Мой отец Костя уехал на заработки в Латвию, работал сезонным рабочим в крестьянских хозяйствах Земгале. Заработал денег на покупку земли и в конце 30-х годов у нас уже было крепкое крестьянское хозяйство, имелся необходимый инвентарь, было достаточно пахотной земли, работали, развивались. Брат Иван женился на богатой девушке Гелене и ушёл из дома на примачи, у нее был собственный надел земли. Сестра Мария вышла замуж за местного парня Янку Янковского, жила рядом, но отдельно.

В начале войны наша семья состояла из трех человек: два брата- Егор и Костя, и их мама Настя. На долю семьи Капуста война принесла свои испытания. Для Германии требовалась рабочая сила, началась принудительная отправка молодежи на каторгу. Пришла очередь Егора. И здесь помогла ему житейская мудрость. Отправляясь на медицинский осмотр перед отправкой в Германию, Егор набрал на лугу желтых цветов. В народе называемых «козелки», и натер ими тело в области паха. Они ядовиты и, когда он разделся перед врачами, его тело было красным и опухшим. С медосмотра его прогнали как заразного и от каторги в Германии освободили. 18 февраля 1943 года мой будущий отец Костя женился на девушке Салюмеи Гасюль из соседней деревни. Они обвенчались в церкви деревни Замошье. Сделали скромную свадьбу.

Вспоминает мама Салюмея Станиславовна

(интервью с Аркадием Шульман в газете «Витебский Курьер» за 13.06.1999г.)

Кисловщина – небольшое местечко в Браславском районе Витебской области располагалась недалеко от озера Корня, вдоль старого тракта на Вильнюс от Нового Пагоста. До второй

мировой войны в его окрестностях жило много евреев, и Кисловщина ничем особенным не выделялась. 16 еврейских семей, 4 семьи католические и 3 – староверов мирно делили радости и горе. Иногда сгоряча или под пьяную руку могли сказать друг другу грубое слово, но назавтра шли на мировую.

Многие хорошо знали большую семью Рукшиных. Люди были мастеровые и в самые трудные годы без куска хлеба не сидели. Янкель хорошо шил. В доме чесали и пряли шерсть, на лето брали в аренду фруктовые сады: сторожили их, ухаживали за деревьями, собирали урожай.

В трех километрах от Кисловщины раскинулась деревня Довьяты. Здесь жила семья Егора Капусты: его мать Анастасия и младший брат Константин. В феврале 1943 года в доме появилась Салюмея. 20-летняя девушка из деревни Горовые стала женой Константина. Через год у них родился сын, которого в честь отца назвали Константином.

Семьи Рукшиных и Капусты хорошо знали друг друга. Рукшины много лет арендовали в Довьятах большой фруктовый сад. Его хозяева Егор и Константин Капуста были довольны их работой. Янкель шил для братьев одежду. И иногда по вечерам они собирались за одним столом, чтобы выпить по чарке, обсудить новости. Интересный это был разговор. В одном предложении были слова на идиш, польском, белорусском, русском языках. И никому не требовалось переводчиков. Все отлично понимали друг друга. Скорее, даже не задумывались, какое слово сказано на каком языке.

В 1939 году Браславский район вошел в состав Беларуси. На территории Польши, оккупированной фашистами, остались родственники Рукшиных, их знакомые. Изредка им удавалось передавать весточки. Написанное было страшно читать, и уж никак не хотелось в это верить, гитлеровцы, уверенные в безнаказанности, не скрывали своих кровавых планов уничтожения евреев. Время было беспокойное, надо было уходить на восток. Но куда? К кому? Кто их ждал там? Об этом должно было позаботиться государство, которое отлично знало об антисемитской политике Гитлера. Но, во-первых, оно в те дни объяснялось с фашистами в любви и дружбе и подписывало соответствующие договоры. Да и потом кому было дело до каких-то там Рукшиных или им подобных. Это только на словах декларировалось, что все делается во имя человека. А на самом деле плевать было властям на этих самых людей.

Однажды Янкель Рукшин сказал Егору Капусте, что скоро могут наступить «чёрные дни».

- Переживем, - ответил ему Егор. – Если немцы и придут к нам, то ненадолго. Прогонят их отсюда. А это время пересидишь у меня. Места хватит, и с голоду не умрем.

Рукшины вспомнили об этом разговоре осенью 1942 года, когда гитлеровцы начали в местечках Браславщины массовые акции против еврейского населения. В гетто, которое находилось в местечке Йоды, сгоняли несчастных со всех окрестностей.

Сейчас многие спрашивают: почему евреи безропотно шли, понимая, что гетто это смерть? Конечно они догадывались, что ничего хорошего ждать им от фашистов не придется. И все же надежда умирала последней. «Не могу т они всех убить», - говорили друг другу евреи. В голове не укладывалось, что возможно преступление такого масштаба. Люди, всю жизнь привыкшие подчиняться властям, и в этой критической ситуации не могли поступить иначе и послушаться приказов. Ну а те, кто все же осмеливался на сопротивление, побег, в случае неблагоприятного исхода в назидание другим подвергались нечеловеческим пыткам и издевательствам. Трудно в одиночку, безо всякой поддержки воевать против целой армии, против целого государства. Довоенные соседи, увидев евреев, в лучшем случае давали кусок хлеба и говорили: »Уходи быстрее, у меня свои дети. Увидят тебя у нас – всех расстреляют». И их можно понять. А были и такие, кто охотился за евреями похлеще оккупантов. За каждую сданную «голову», отобранную жизнь давали пуд соль, деньги. Чем не промысел? Тем более, что охота на женщин, детей, немощных стариков безопасна.

Таких людей, как Егор, Константин, Анастасия, Салюмея Капуста, которые помогали довоенным соседям, были считанные единицы.

...Сначала в г.Глубокое в гетто попали самые маленькие дети Янкеля и погибли там. Потом наступила очередь стариков. Маме Янкеля приказали отправиться в Йоды, в гетто. И неважно, что она не могла идти сама. Для такой цели и лошадь нашли, и извозчика. Везти ее приказали староверу Олимпию. Маленькая Маша, ей было чуть больше 10 лет, плакала и говорила, что хочет ехать вместе с бабушкой. Олимпий знал, что ждет их в Йодах, и кнутом отогнал Машу от повозки.

Янкеля, братьев его жены Алтера и Срола до поры до времени не трогали. Они были отнесены фашистами к категории специалистов, которые должны были вначале отработать на Рейх, а уж потом умереть. Вместе со взрослыми остались две дочки Янкеля – Маша и Эдка. Рукшины понимали, что в любой момент может поступить приказ об уничтожении оставшихся евреев. И если хочешь жить, нельзя сидеть сложа руки, надо было уходить прятаться вооружаться, бороться. И они рискнули. Осенним вечером когда немцы уже стали выгонять из домов оставшихся евреев, ушли из Кисловщины. Спрятались в лесу, а ночью подались в Довьяты к довоенному знакомому. Егор Капуста дал гостям хлеб и молока. Рукшины старались не злоупотреблять хорошим отношением к ним. Жили в лесу, в выкопанной землянке. Наведывались в Довьяты только в крайнем случае.

Зима 1942-43 годов была не такой суровой, как прошлая, когда морозы переваливали за сорок градусов и вымерз фруктовый сад у Егора и Константина Капусты. Но на рождество холода взяли свое. В наспех сделанной лесной землянке. Да еще с детьми, такие ночи не высидишь – замерзнешь. Рукшины подались в Довьяты, к домам. К теплу. Хотя знали, что по соседству с Капустой живет полицай Франц Жук, который верой и правдой служит фашистам, выбора не было.

Поначалу Егор выкопал в сарае в соломе нору, набросал туда сена, соломы. А когда морозы стали крепчать, поселил их на чердаке дома, ночью приходили в дом согреться. Это и стало жильём Рукшиных. Днём они, боясь пошевелиться или не дай Бог, кашлянуть, сидели в своем укрытии, а ночью выходили из него и отправлялись в поисках пищи в другие деревни. Капусте было тяжело одному прокормить пятерых. Рукшины научились ходить, чтобы под ногой не скрипнул снег, маскировать свои следы, переговариваться друг с другом жестами.

Иногда после ночных «прогулок» Рукшины приводили с собой в Довьяты других евреев, прятавшихся в лесу. Одно время на чердаке скрывались десять человек.

Зимой 1943 года в доме Капусты играли свадьбу. А когда гости разошлись, с чердака спустились евреи и поздравили молодых: Константина и Салюмею Капусту.

Весной. Когда морозы упали, Рукшины выкопали на острове посреди болота землянку и перебрались туда. А потом ушли в партизаны. Но и после этого время от времени девочки Маша и Эдка навдывались в Довьяты: их кормили и прятали в доме у Егора Капусты.

На пасху в Довьяты нагрянули фашисты. Константин Капуста схватил теплый тулуп, топор, продукты и под видом заготовки дров отвел Машу в лесной овраг заросший кустарником. И спрятал ее в шалаше. Девочка просидела трое суток, а когда немцы уехали, вернулась в дом, который считала родным.

В 1944 году фашисты, стремясь очистить леса от партизан, организовали карательную экспедицию. Они сожгли нашу и соседние деревни, многие вместе с жителями. В эти дни в деревне Журавовщина погибли Алтер и Эдка.

После того, как советские войска освободили Браславщину, Константина Капусту призвали в армию. Он погиб в марте 1945 года в Курляндском котле, не дождавшись победы и моего рождения. В 1974 году умерла Анастасия Капуста, а в 1979 году – Егор. Оставшиеся в живых Рукшины уехали в Израиль. Янкель и Срол умерли в Герцлии. Трагедию народа, разыгравшуюся на белорусской земле, помнит Маша Рукша-Капица. С раннего детства эту историю знают ее сыновья Дрор и Цвик, дочь Юдит и семеро внуков. Это помнят дети Срола: Рукшина, Авраам и Хана, его жена Роза.

До начала шестидесятых годов спасённые и их спасители поддерживали связь, писали друг другу. Потом политики возвели между людьми стену. Почти тридцать лет по их воле люди не могли сказать друг другу «здравствуй».

В 1993 году Константина Константиновича Капусту семья Рукшиных пригласила в Израиль, а на следующий год Маша Рукшина-Капица и ее дети приехали в Беларусь. Они побывали в Кисловщине, Довьятах, Глубоком, Йодах – местах, дорогих для их семьи.

В 1994 году Салюмее Капусте от имени правительства Израиль посол этой страны вручил диплом и медаль «Праведник народа Мира». В честь Егора, Насти, Кости и Салюмеи посажено хлебное дерево в аллее Праведников в центре Иерусалима в мемориальном комплексе Яд-Вашем.

Из воспоминаний дяди Егора и бабушки Насти.

Жили мы одной семьей, все боялись полиция Жука. Он часто приезжал к своим родственникам, нашим соседям. Он подозревал, что у Егора прячутся евреи. И только огромный авторитет Егора среди соседей не позволил полицаяу произвести облаву. Осенью 1943 года пошли в народе слухи – каратели будут сжигать близлежащие деревни, в том числе и нашу деревню Довьяты. Все погрузились на лошадиную повозку, взяли с собой, что смогли и уехали в деревню Шавляни. Приехали, там народ запуган. Беженцев из партизанской зоны принять страшно – все боятся карателей. Остановились в заброшенном сарае. Мужчины поднялись на возвышенность, а там видно, как горят родные дома, дымом окутано все вокруг. Немцы и их приспешники сожгли деревни Пьявцы, Околицу, Горовые, Замошье, Довьяты, Киславщину и другие деревни. А жителей деревень в лесной партизанской зоне, таких как: Реповщина. Прудинки, Котиты, Бугудинки, Стайки, Журавщину, где население не успело спрятаться от карателей согнали в сарай и сожгли заживо, кто пытался убежать - расстреляли. В каждой из них была своя ХАТЫНЬ.

Прошло еще немного времени, вернулись на пожарище. Только трубы стоят, всё сгорело. Начали устраивать свою жизнь. Стали собирать горелые гвозди, оставшийся металл, всё, что могло пригодиться в восстановлении хозяйства. Женщины в печках пекли блины, кормили мужчин и детей. В сожженной деревне пробыли недолго. Вернулись в Шавляны, там жили до весны 1944 года. Страх перед карателями вынудил нас и соседей уйти в лес. В землянках дождалась прихода Красной Армии, изгнания немцев. Моего отца взяли в армию и, уходя, он просил старшего брата Егора: «Если я не вернусь живым или со мной что-то случится, помоги моей молодой жене Сале, ведь она ждёт ребенка».

Егор построил вторую землянку уже на месте пожарища своего дома. В начале отец служил в Полоцке и зимой 1944-45г.г. мама на санной подводе поехала искать мужа, но не нашла – его отправили на фронт, в Курляндский котёл. Там он и погиб. В новой землянке родился я. В честь не вернувшегося с войны отца, меня также назвали Костей. Егор выполнил просьбу своего младшего брата. Он стал фактически моим отцом. Мама вспоминает, что вырастила меня на печке в двух пеленках – больше не было, все нажитое уничтожила война.

Многие, ушедшие на войну, возвращались инвалидами из госпиталя. Кто подавал весточку из Германии, Англии и других стран. Так раскидала по миру война моих земляков. Мать ждала мужа, я подрастал. Мы построили хоть небольшой, но всё же домик (5м x 5м). Жили в нём, как две семьи – семья Егора с бабушкой Настей и я с мамой. Но фактически это была одна большая семья. Рядом построили свои дома Алеша и Иван. У сестры Марии погиб муж, осталось двое детей. Для них построили братья маленький домик. Началась принудительная коллективизация, началось бегство людей в поисках сносной жизни. Первыми уехали оставшиеся в живых евреи, сначала в районный центр Браслав. Потом за границу. Иван уехал с семьей на Урал, где и умер. Похоронен в Челябинске, там живут его дети Яна и Маша. Алёша умер в Браславе, где и похоронен, в Браславе живут его внуки. Марию судьба забросила на Украину, похоронена в г.Ильичёвске, там живет ее дочь Яна.

Семья Егора по принуждению вступила в колхоз. Егор, выросший свободным хозяином, с раннего детства познавший тяжелый, но благородный крестьянский труд, с трудом смирился с

подневольным колхозным трудом. Егор никуда не уехал, остался верен своему долгу перед землёй, которая его взрастила и вскормила. Летом Егор гостеприимно принимал племянников, гости приезжали и уезжали, а он оставался. У него были конфликты с новой властью. Он не смог смириться, когда отняли его любимого коня Лысого, его помощника и его гордость. Коня Егор очень жалел и любил, ведь когда он выезжал на базар или на «фэст», то всех обгонял. Конь был приучен к лидерству и не терпел плестись в конце обоза, всегда сам рвался вперед и всех обгонял. Однажды по дороге на Браслав Егор обогнал нервного соседа - старовера, за что тот хотел его убить.

Меня воспитывала бабушка Настя. Она рассказывала мне сказки, жизненные истории, была добрая, знала много народных способов по лечению разных болезней. Соседи обращались к ней как к знахарке и она бескорыстно оказывала помощь: лечила от сглаза, лечила рожу, заговаривала от укуса змей. У бабушки всегда было чувство юмора, она любила выпить немного крепкого напитка. Сидя на печке, пела старинные песни о тяжелой доле девушки, выданной замуж не по любви, в чужую семью, в чужую страну...

Второй семьёй мы жили с матерью-женой погибшего на фронте. Егор маме в колхоз вступать не разрешил, мы были единоличниками. За погибшего отца получали мизерное пособие. Мы собирали грибы, ягоды, кору лозы. Сдавали все заготовителям, получали мало, но всё же больше, чем платили в колхозе. Мама научилась шить одежду, пришлось ей освоить и мужскую профессию печника. Мужчин в деревне не было, все работы приходилось выполнять женщинам.

Помню, с какой гордостью Егор получал письма из Израиля, а в 1963 году мы получили 2 посылки. Дядя Егор сшил костюм мне и себе из добротного сукна у портного-еврея Мейера из Браслава. Я помню, как давал дядя Егор читать письма из Израиля. Он дружил со всеми оставшимися в живых евреями Браславского района и некоторыми из Даугавпилса. Его приглашали в гости в Израиль, он хотел поехать и уже нашлись евреи из Браслава, которые могли его сопровождать. Но крестьянский труд, забота о ближних не позволили найти время на поездку. Да и ещё была беда, ведь дядя Егор был полностью безграмотным. Я подрос и как сейчас помню его слова: «Пусть уж я с матерью буду гнить в колхозе, а ты уезжай, беги сынок из колхозного рабства». И я, окончив семилетнюю школу, уехал в близлежащий Даугавпилс, где учился, женился и живу в настоящее время.

Дядя Егор всегда ждал меня, радовался, когда я приезжал. Это был праздник. Мы с ним шли на сельскохозяйственные работы, и для дяди Егора было важно не количество проделанной работы, он хотел со мной поговорить, пообщаться, ибо общение со мной было для него очень важно. Мы топили деревенскую русскую баню, дядя Егор приучил меня париться, ибо сам он был заядлым парильщиком. Потом после бани был стол, и воспоминания ...

Дядя Егор умер в 1979 году. Уже потом я смог воспользоваться его заслугами и посетил Израиль. Гостил в гостеприимной семье Маши и Аврама Рукшина–Капица и других семьях спасённых евреев. Побывал на мемориале жертв Холокоста Яд Вашем в Иерусалиме в честь памяти 6 миллионов погибших евреев. Две недели в Израиле прошли как в сказке. Я много ездил, читал, узнавал еврейский народ, их обычаи. Я проехал по маршруту Тель-Авив – Кесария – Хайфа – Акко – Матула – Галелея – Бер – Шева, и конечно, Иерусалим. В январе я купался в Мёртвом море и умывался в водах священной для христиан реки Иордан. Я был у **СТЕНЫ ПЛАЧА** и оставил там записку. Израиль – эта страна, где творились основные исторические вехи, откуда вышли основные направления мировых религий. Там я смог по достоинству оценить тот подвиг, который совершили мои родители во время немецкой оккупации по спасению еврейских семей.

Потом Маша и её сын Дрор и дочь Юдифь приезжали к нам в гости. Я показал массовые захоронения без вины погибших евреев в Силене, Браславе, Иодах, Шарковщине и Глубоком. Я помню глаза Маши. В них уже не было слёз, они выплаканы за долгие годы лишений и скитаний, в глазах была боль и страдания. И только ей одной известно, о чем она думала, преодолев расстояние в тысячи километров через полвека, стоя на месте захоронения своей матери, родных, соседей. Мемориальное кладбище жертв фашизма, место захоронения узников концлагеря в г.

Глубокое. Там установлены оба обелиска – христиан и евреев. Кладбище ухожено. Много цветов и венков. Я помню, как волновались Дрод и Юдиль, как текли у них слёзы по матери и бабушке, там похороненной. Потрясённые, мы с Машей сказали, что мы брат и сестра, нас связывает больше, чем родство. Мы с Машей сделали всё, чтобы трагедия, совершённая на белорусской земле по уничтожению и спасению евреев во время немецкой оккупации не была забыта. Мои родители, дядя Егор, мама Соломея, отец Костя и бабушка Настя награждены высшей наградой республики Израиль. Им присвоено почетное звание «Праведники мира», вручён сертификат и медаль «Праведник народа мира». Американский фонд для ХРИСТИАН СПАСИТЕЛЕЙ – ПРАВЕДНИКОВ МИРА учредил денежное пособие, которое мама получает в настоящее время. Долгое время о еврейской теме не писали. Может поэтому не знают люди о тех незаметных героях. Каким же благородным сердцем нужно было обладать? Какой незамутненной совестью? Чтобы в диких условиях, рискуя собственной жизнью спасти людей другой веры. Гонимых. Беззащитных. Убийство которых узаконили оккупационные власти. Их называли **праведниками**. Было найдено точное и ёмкое слово. **Праведник** значит праведно живущий человек с обостренной совестью. Разве не на них во все времена держится мир? Сейчас, через более полувека, когда в живых осталось только два живых свидетеля той трагедии и героизма – Маша в Израиле (г. Герцлия) и моя мама Соломея в белорусской деревне Довьяты, надломленные временем и болезнями, мы должны спешить донести слова правды потомкам. Народ должен знать правду, чтобы **Холокост** в любом проявлении никогда не повторился. В Израиле свято чтут память о своих спасителях. Машины дети: Дрод, Цвик и Юдиль первым словом после рождения произнесли не «папа» и «мама», а «Егор». Эту трагедию в сердце переносит верный спутник Маши её муж Авраам, сам переживший концлагерь в Польше, подруга Маши – Рива, спасаясь от фашистов у добрых людей д.Урбаны. Егора помнят в семье Ханы Незер в Раанана. Её брат Авраам в Герцлии, их мать Роза в Бер – Шефе в Израиле. Своими родителями горжусь я и вся моя семья: моя жена Алина, моя дочь Наталия, мой сын Вадим.

18 июня 1999 г.

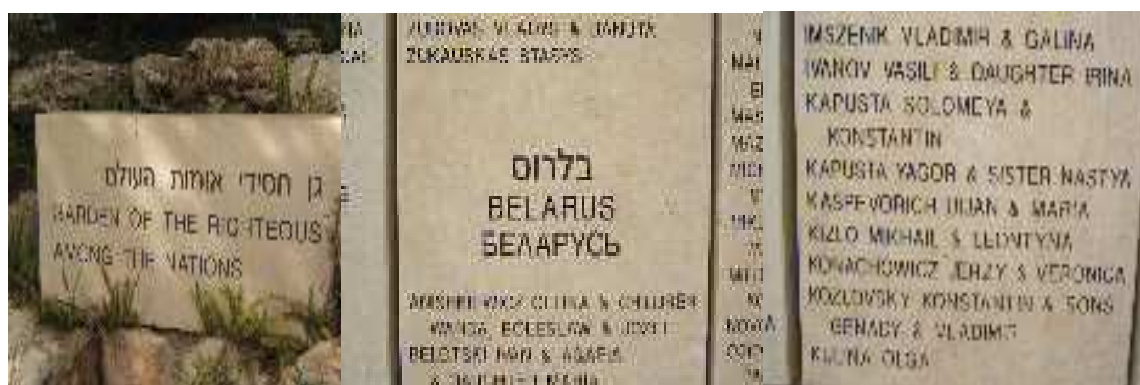
Даугавпилс – Довьяты – Кисловщина.

В марте 2000 г. я опять был гостем в Израиле, но об этом напишу позже...

Прошу прощения за возможные ошибки и неточности. Буду рад, если вы, дорогие родственники, узнаете, кто же мы?

С уважением,

Капуста Константин сын Константина Капусты

Иерусалим, МЕМОРИАЛ КАТАСТРОФЫ И ГЕРОИЗМА ЯД ВАШНМ, СТЕНА ПРАВЕДНИКОВ НАРОДОВ МИРА, РАЗДЕЛ БЕЛАРУСЬ, здесь среди многих имен, высечены в камне имена моих родителей Капуста Соломея, Константин, Ягор и Настя.

Константин Капуста у мемориала памяти в Яд-Вашем

Свидетельство о присвоении высшей награды ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ звание ПРАВЕДНИКИ НАРОДОВ МИРА моим родителям, 14 апреля 1993 года

HEIRATSURKUNDE
 ПАСЬВЕДЧАНЫЕ АБ ЖАНІЦЬБЕ

Nr. 126

Браслаў den 15. 11. 1913 г.
 Ort - месца дня

1. Herr Кашота Калешанцкі
 Грамадзянін Name - прозьвішча Vorname - імя

aus в. Мілны, Браслаўскай в. губ. кай
 Ort - месца Gebiet - акруга

Nationalität Беларусь Religion Праваслаўна
 нацыянальнасьць веравызнаньне

2. Frau Раскоў Саломі
 Грамадзянка Name - прозьвішча VORNAME - імя

aus в. Паравы, Браслаўскай в. губ. кай
 Ort - месца Gebiet - акруга

Nationalität Беларусь Religion Католіц
 нацыянальнасьць веравызнаньне

erklärten, die Ehe miteinander eingehen zu wollen. Sie wurden daraufhin standesamtlich getraut,
 заявілі, што яны хочуць адзін з другім ажаніцца. На аснове гэтага яны праўна пажэнены

Vorgelesen, genehmigt und unterschrieben
 Прачытана, пазволена і падпісана

1. *S. Kowalski*
 UNTERSCHRIFT DES MANNES - подпіс мужа

2. *Rosina*
 UNTERSCHRIFT DER FRAU - подпіс жонкі

K. Swoboda
 Unterschrift des 1. Zeugen - подпіс 1. сьведкі

M. Swoboda
 Unterschrift des 2. Zeugen - подпіс 2. сьведкі

Der Standesbeamte
 Урадонец пэвільнага стану

J. M...
 Unterschrift - подпіс